
ПУШКИН И ЗАПАДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

И. П. АЛЕКСЕЕВ

I

Известно, какую огромную роль в творчестве Пушкина сыграла западноевропейская литература. Этот вопрос довольно хорошо разработан в ряде специальных исследований. Много меньше знаем мы о том, как относились к Пушкину западные писатели, критики, читатели. Попытки ответить на это обычно сводились к упоминанию двух-трех западных критиков, писавших о Пушкине (Меримэ, Фарнгаген фон-Энзе), и чаще всего приходили к заключению, что на Западе Пушкин был известен мало и плохо и что, за редкими исключениями, он не нашел там ни своих настоящих ценителей, ни даже более или менее удовлетворительных переводчиков. Пересмотр этого вопроса явно стоит на очереди и приобретает особо важное значение в условиях столетней годовщины со дня смерти великого поэта. Юбилейные статьи 1899 года¹, касавшиеся этой темы, явно преуменьшали историческую роль Пушкина в мировой литературе или сводили изучение к некритическому перечню переводов из Пушкина на различные языки, сумбурным статистическим исчислениям и библиографическим сводкам². Последние, конечно, необходимы и сейчас, тем

¹ См., напр., статью Н. С. Гольдина. — Пушкин в отзывах западной критики 40—50-х гг. в „Харьковском Университетском сборнике в память Пушкина“. Харьков, 1900, стр. 427—434; А. Марков. — Германская литература о Пушкине. „Пушкинский сборник“, 1899, стр. 639 и сл. „Отголоски пушкинского юбилея на Западе“. „Историч. вестник“, 1899, т. 77, стр. 345—347 и др.

² П. Д. Драганов. Кто впервые принялся переводить Пушкина и прототипы переводов его на 50 языков и наречий мира. „Историч. вестник“, 1899, май; сравни: В. В. Каллаш, Драганов и пушкиниана Межова, „Русск. мысль“ № 7, 1900; см. еще Г. Н. Геннади. Переводы сочинений А. С. Пушкина. „Библиографический указатель“, „Библ. записки“ 1859, II.

более, что европейская литература о Пушкине сильно увеличилась за последнее тридцатилетие; но наряду с библиографическими разысканиями необходимо и критическое изучение огромного материала о Пушкине, разбросанного по многим малодоступным изданиям на самых разнообразных языках. Такое изучение едва начато. Настоящая статья, естественно, не может претендовать на то, чтобы дать исчерпывающий ответ на указанную тему; она стремится лишь к тому, чтобы ввести в оборот некоторые забытые или малоизвестные источники и попутно поставить ряд вопросов, подлежащих более углубленному исследованию.

II

В бумагах Пушкина нашлась переписанная его рукой заметка из французского журнала «Энциклопедическое обозрение» за 1821 год, содержащая едва ли не самое раннее в европейской печати биографическое известие о поэте. Пушкин заботливо ее сохранил, но подчеркнул одну вкрадшуюся в нее ошибку. Заметка представляет собой корреспонденцию из Петербурга и написана несомненно русским, бывшим в курсе литературной жизни столицы. «Недавно изданное в нашем городе произведение, — говорится в этой корреспонденции, — привлекло внимание всех друзей словесности; это романтическая поэма в десяти песнях (следовало сказать в шести), озаглавленная «Руслан и Людмила». Автору ее, г. Пушкину, бывшему воспитаннику Царскосельского лицея, ныне состоящему при генерал-губернаторе Бессарабии, всего 22 года. Эта поэма составлена из народных сказок времени вел. князя Владимира. Она полна первостепенных красот; язык ее, то энергический, то прациозный, но всегда изящный и ясный, заставляет возлагать самые большие надежды на молодого автора». Эта заметка, написанная расположенным к Пушкину лицом, должна была польстить авторскому самолюбию поэта, тем более, что он был в это время политическим изгнанником (выписка датируется весной 1822 г.) и особенно ценил всяческое участие к себе и дружеское внимание. В одесский период жизни до Пушкина дошли и другие западные отзывы о нем, например, «Русская антология» (Париж, 1823) французского литератора Эмиля Дюпре де Сен-Мора, в которую включен был перевод эпизода из первой песни «Руслана и Людмилы» вместе с сочувственной характеристикой ее автора, содержавшей краткие биографические сведения о нем и критический разбор двух его первых поэм. В Одессе же Пушкин узнает о том, что «Кавказский пленник» переведен на немецкий язык А. Б. Вульффертом и издан в Петербурге (1823). А. А. Дельвигу Пушкин писал 16 ноября 1823 года: «Вели прислать мне немецкого Пленника».

Вскоре, однако, поэту пришлось убедиться в том, сколь неприятными по своим последствиям, а иногда даже и прямо опасными могли быть, в его положении ссыльного и опального поэта, подобные свидетельства его возрастающей известности. Немецкий перевод «Кавказского пленника» в 1824 году перепечатал Ольдекоп вместе с русским подлинником, нарушив авторские права Пушкина и, таким образом, подорвав все его материальные расчеты на готовившееся новое авторское издание поэмы. Эта контрафакция¹ вызвала ряд критических отзывов в иностранной прессе, Пушкина очень интересовавших. Брату в первой половине ноября 1824 года (т. е. уже из Михайловского) Пушкин писал: «Ты мне пришлешь немецкую критику Кавк. пл.?» Под «немецкой критикой» обычно понимают упоминание об этой поэме, содержавшееся в краткой заметке о Пушкине в антологии Карла Фридриха Борха „Poetische Erzeugnisse der Russen“, Рига и Дерпт, 1823); гораздо вероятнее, что речь идет о какой-нибудь рецензии на ольдекоповское издание. Это «разбойное» издание, вызвавшее сильную досаду поэта и бесплодные хлопоты его друзей, показало ему лишний раз, в каком бесправном положении изгнанника он находился, но, конечно, еще более досадным и гораздо более тревожным для него было проникновение в западную печать таких отзывов о нем, которые ставили под вопрос его личную безопасность. На юге благодаря стараниям одесского начальства за Пушкиным прочно установилась репутация опасного вольнодумного поэта. Сведения об этом вольнодумстве тогда же стали проникать и на Запад благодаря иностранцам, которых было так много в Одессе пушкинских времен. Легкомысленные иностранные путешественники в описаниях своих поздок в Россию нередко упоминали имя Пушкина в такой связи, которая должна была усилить внимание к нему жандармских властей. Пушкин большей частью фигурировал здесь как автор известной «оды к свободе» (т. е. стихотворения «Вольность»); один из путешественников, правда, более позднего времени, даже утверждал, будто бы за эту оду Пушкин был сослан в Сибирь (E. Morton, Travels in Russia, Лондон, 1830; свидетельство относится к 1827 г.). Вторичная высылка Пушкина из Одессы в деревню должна была усилить подобные слухи. Из всех отзывов этого рода в особенности один должен был вызвать серьезную тревогу Пушкина. В 1826 году в Россию приехал французский журналист Ансто. Пушкин, своевременно предупрежденный о том, что заезжему гостю готовится торжественная встреча в Петербурге, просил П. А. Вяземского: «Овладей этим Lancelot (которого я ни стишка не помню) и не

¹ Незаконное переиздание.

пускай его по кабакам отечественной словесности. Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда»... Пушкину становится досадно, что иностранные путешественники зачастую становятся в России свидетелями унижительных явлений тогдашней действительности — рабства и барского самодурства в первую очередь: «Русский барин кричит: мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы ххочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Все это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я конечно презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» (письмо от 26 мая 1826 г.). Слова эти в высокой степени знаменательны: они объясняют нам и причины обостренного интереса Пушкина к иностранным отзывам о России, — в частности и к русской литературе. «Овладеть» Ансло, по совету Пушкина, Вяземскому не удалось. Легкомысленный и поверхностный наблюдатель, Ансло сделал ряд слишком поспешных выводов и многое в русской жизни понял превратно; тем не менее, благодаря услужливости или доверчивости окружающих Ансло русских знакомцев французскому литератору удалось узнать многое из того, что ему, по мнению Пушкина, не следовало бы знать. Он метко схватил многие противоречия русской жизни той эпохи, правильно подметил многие стороны действительности и, между прочим, дал довольно верную оценку русской литературе. Все это было изложено им в книге «Шесть месяцев в России», выпущенной в 1827 году. В легком очерке русской литературы сочувственно был здесь упомянут и Пушкин; в другом месте книги Ансло высказал сожаление, что на обеде, данном в его честь петербургскими литераторами, он не видел Пушкина, «тяжкие промахи» которого были причиной изгнания этого «молодого и талантливоего поэта» в глубь отдаленной губернии; в качестве же образца стихотворений Пушкина Ансло не задумался поместить прозаический перевод «Кинжала», сопроводив его указанием, что ему не без труда удалось раздобыть себе список этого ненапечатанного стихотворения, которое отличается «республиканским фанатизмом» и может служить примером тех идей, которые бродят в умах русской молодежи.

Эти идеи, по словам Ансло, «могли бы привести к преступлению целое поколение», если бы не «мудрость монарха», правительственная система которого умеряет общественную экзальтацию. Легко представить себе, как взволновали Пушкина эти строки! Быть может, за счет этой тревоги нужно отнести известный отзыв его о книге Ансло в «Северных цветах на 1828 г.», где Пушкин пишет: «Путешественник Ансло говорит о какой-то грамматике, угвердившей правила нашего языка и еще не изданной,

о каком-то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра и еще не ипранной и ненапечатанной. Забавная словесность!» В этих словах сквозит и действительное сожаление о бедности русской литературы, подмеченной иностранным наблюдателем, но в то же время и замаскированный упрек иностранцу за опубликование перевода ненапечатанного в России стихотворения Пушкина.

Таким образом, различные причины вызывали у Пушкина большой интерес к иностранным отзывам о его творчестве. С одной стороны, была и надежда на справедливую и заслуженную оценку крупнейших русских писателей иностранной критикой (вспомним его статьи о предисловии Лемонте к переводу Крылова на французский и итальянский языки или слова в письме к А. А. Бестужеву от начала июня 1825 года: «Иностранцы нам изумляются — они отдают нам полную справедливость»...); известную роль должны были сыграть также интерес к европейскому суждению, не стесненному «чопорной дурьей» — российской цензурой, и огромное любопытство Пушкина к европейской литературе и критике вообще. Пушкину, однако, еще и потому необходимо было знать отзывы о себе европейской прессы, что иные из них слишком затрагивали его личные интересы, вторгались в слишком интимные стороны его жизни или же грозили осложнением отношений к нему российской власти.

Ранняя европейская критика о Пушкине действительно зачастую имела биографический уклон; тревожные обстоятельства жизни поэта и его трагическая смерть усилили интерес к обстоятельствам его личной судьбы и превратили многие из европейских отзывов о нем в довольно ценные биографические свидетельства. Особенно интересны в этом смысле некрологические статьи 1837 года.

III.

О том, что Пушкин интересовался европейскими суждениями о себе как о поэте и человеке, свидетельствует нам и его библиотека. Здесь находилось не мало книг, в которых упоминалось его имя. Так, здесь была, например, книга английского писателя Джорджа Борро «Таргум» (1835), содержащая в себе ранние английские переводы стихотворений «Талисман» и «Русалка»; на полках этой библиотеки стоял «Энциклопедический лексикон» лейпцигского издания Брокгауза 1830 года, в восьмом томе которого помещена довольно обстоятельная, но со многими ошибками биография «графа Александра Пушкина, гениального русского поэта»; были здесь и книги «Залетных путешественников»

вроде книги кап. Френкленда, содержавшей по многим подробностям обидный для Пушкина рассказ о встречах и беседах с ним в Петербурге... В разыскании всех этих разнообразных источников Пушкину должны были оказать существенную помощь и его друзья — П. А. Вяземский или А. И. Тургенев, этот неутомимый странствователь по Европе, лично знавший и Гете, и Вальтер-Скотта, и Ламартина, и многих других знаменитостей европейского литературного, научного, политического мира.

Любопытно, что от личных друзей Пушкина или от русских его почитателей исходят и многие попытки познакомиться с ним европейских читателей. Известен ряд статей о Пушкине в европейских журналах, написанных русскими или ими инспирированных; другие русские путешественники занимались устной пропагандой Пушкина на Западе и действительно успевали пробудить к нему интерес в самых разнообразных кругах. Вот несколько относящихся сюда фактов. Указанная выше заметка о Пушкине в «Энциклопедическом обозрении» 1821 г., как уже было подчеркнуто, несомненно, принадлежит русскому корреспонденту этого французского журнала; много подобных же статей и заметок можно отметить и в более поздних годах. Сошлемся, например, на статью в женевском журнале «Всемирная библиотека» 1832 года под заглавием «Александр Пушкин». Исследователи уже давно обратили на нее внимание, так как она содержит ряд указаний, о которых могли знать только близкие к поэту лица; высказывались предположения, что автор этой статьи, скрывшийся под буквой А, стоял «более или менее близко к московскому Веневитиновскому кружку». Мы можем в настоящее время раскрыть аноним: автором статьи является гр. Анастасия Семеновна Сиркур, урожд. Хлюстина, которая в сотрудничестве со своим мужем написала несколько статей о русской литературе, и ей же принадлежит более поздняя статья о драме Пушкина «Борис Годунов» (в «Revue Française et Etrangère» 1837 г.). По уверению французского биографа Хлюстиной-Сиркур, эти ее статьи обратили на себя внимание многих французских журналов. Впрочем, отзывы об этих статьях русских читателей довольно сдержанны; посылая их П. А. Вяземскому, А. И. Тургенев писал, что по ним нельзя судить об особой взыскательности французских журналистов, но тут же предлагал своему приятелю заменить эти «опыты ученой четы» статьями Вяземского о русской словесности, которые в том же женевском журнале приняты будут еще с большей готовностью. Тщательные биографические разведки, вероятно, раскроют нам авторов многих других анонимных статей о Пушкине, напечатанных в Западной Европе при его жизни: ряд этих имен безусловно приведет нас в Россию. Многие из близких друзей Пушкина старались

сделать известным его имя в Европе путем устных рассказов о поэте; при встречах своих с западноевропейскими писателями они не только называли его имя, но и рассказывали о его поэтической славе в России, заботились о возможно более точных переводах его произведений.

Мы имеем ряд свидетельств, что через посредство русских путешественников Пушкиным еще при его жизни интересовались многие крупнейшие писатели Германии, Франции, Италии. По рассказам П. В. Нащокина, записанным со слов его друзей П. И. Бартеневым, «великий Гете, разговарившись с одним путешественником о России и слыша о Пушкине, сказал: «Передайте моему собрату вот мое перо». Пером этим он только что писал. Гусиное перо великого поэта было доставлено Пушкину. Он сделал для него красный сафьяновый футляр, на котором было написано: «перо Гете», и дорожил им. Долгое время достоверность этой легенды оспаривалась; однако сейчас вопрос можно считать решенным в положительном смысле: мы можем назвать и того русского путешественника, который вел с Гете беседу о Пушкине, и точно определить дату этой беседы. Она произошла в сентябре 1827 года; собеседником Гете был В. А. Жуковский, который и привез Пушкину то перо, о котором рассказывает П. В. Нащокин. Все это удостоверяется письмом пианистки Марии Шимановской к канцлеру фон-Мюллеру, в отрывках напечатанным в одном из томов Веймарского издания Гете. Шимановская, хорошо знавшая Пушкина и Гете, пишет в этом письме: «Жуковский привез Пушкину, русскому поэту, в подарок перо, которым писал Гете». Гораздо труднее решить, знал ли Гете какие-либо произведения Пушкина. Немецкие переводы из Пушкина к 1827 году были еще очень малочисленны. По воспоминаниям С. П. Шевырева, относящимся к 1829 году, невестка Гете Оттилия уже знала в это время «Кавказского пленника» в переводе А. Вульфферта; мог эту книгу знать и великий создатель «Фауста»; достоверно известно, однако, то, что Гете читал изданную в Марселе на французском языке книжечку Элима Мещерского «О русской литературе» (1830), в которой Пушкину уделено было значительное место. Конечно, о Пушкине Гете мог слышать и от многих своих русских гостей. С. П. Шевырев сделал Пушкина известным одному из видных итальянских писателей первого тридцатилетия XIX века — Алессандро Манцони (или по обычной русской транскрипции Манцони, 1784—1873). Пушкин интересовался этим писателем; роман Манцони «Обрученные» он читал во французском переводе около 1830 года и очень им восхищался; любопытно, что предисловие к «Обрученным» в переводе Павлищева (мужа сестры Пушкина) напечатано было в «Литературной газете» 1830 года. Будучи в Италии, Шевырев свел знакомство с Манцони и

беседовал с ним о Пушкине, о чем и писал С. А. Соболевскому из Милана 20 февраля 1832 года: «Вчера познакомился с Манцони. Желает узнать кое-что о русской литературе, называл мне Пушкина и Козлова»; интересно, между прочим, что некоторые произведения этих писателей к тому времени были уже переведены на итальянский язык.

Любопытное известие находим мы в одном из писем А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому (29 февраля 1836 г.) Рассказывая о своем знакомстве с французским поэтом — романтиком Альфонсом Ламартином (1790—1869), хорошо известным тогда и в русской литературе (к которому, впрочем, Пушкин относился довольно сдержанно), А. И. Тургенев пишет: «Вчера провел я первый вечер у Ламартина. Он просит у меня стихов Пушкина в прозе; стихов переводных не хочет. Я заказал сегодня гр. Шувалову перевести, но еще не остановился на выборе пьесы». Из других писем того же корреспондента мы знаем, что перевод был доставлен Ламартину и что А. И. Тургенев вообще всячески пропагандировал Пушкина среди своих многочисленных западных друзей. Аналогичную роль играл на Западе близкий приятель Пушкина С. А. Соболевский, который был посредником в сношениях поэта с Проспером Меримэ (1803—1870) по поводу «Песен западных славян» (как известно переведенных из сборника «Гузла» Меримэ) и впоследствии много содействовал увлечению Меримэ русским языком и в особенности Пушкиным. Таким образом, уже при жизни Пушкин пользовался довольно значительной известностью; многие из его произведений переведены были на французский, немецкий, английский, итальянский, шведский и другие языки; критические статьи о нем были довольно многочисленны и заключали в себе сочувственную оценку русского поэта.

IV

Н. А. Мельгунов писал С. П. Шевыреву из Франкфурта-на-Майне в марте 1837 года: «Ты обещаешь мне подробное известие о смерти Пушкина. Это происшествие произвело здесь сильное впечатление, и в течение двух или трех недель все газеты, немецкие и французские, были им полны, так что иное я, может быть, знаю обстоятельнее, чем вы». Эти слова справедливы: действительно, если в русской периодической печати смерть Пушкина не нашла сколько-нибудь значительного отклика, то в иностранных газетах и журналах истории дуэли и смерти Пушкина уделено было значительное внимание. Правда, западная пресса интересовалась этими событиями прежде всего как крупным великосветским скандалом, но во многих статьях и корреспонденциях не случайно давалась высокая оценка трагически

погибшему великому русскому поэту, да и разоблачение направленной против Пушкина великосветской интриги представляло большое значение. Ряд этих статей сочувственно встречен был и в России, — в кругах, близких к поэту. А. С. Хомяков, например, писал Н. М. Языкову в июне 1837 года: «Какова жалкая судьба Пушкина! Убит дрянью, и дрянь Полевой в дрянной Библиотеке вызывает на какую-то дрянную подписку в честь покойника... Говорят, что иностранные газеты писали о Пушкине хорошо и много; не знаю, правда ли, а это было бы утешительно». Впрочем, тут же Хомяков прибавлял, что «Франкфуртский говорил об нем скверно, и это весело, как ругательства Булгарина и Библиотеки». Речь здесь идет, вероятно, о небольшом некрологе из «Journal de Francfort», 1837, выписка из которого сохранилась, между прочим, в бумагах С. Л. Пушкина — отца поэта¹; статья озаглавлена «Смерть знаменитого русского поэта Пушкина». Здесь говорится о «сенсации», которую смерть Пушкина произвела в Петербурге, о том, что он сделался «неизбежной жертвой» тех «несчастливых предрассудков относительно чести», которые господствуют в обществе; далее, в весьма восторженных словах говорится о заботах Николая I о семье поэта. Хомякову было от чего притти в раздражение; другие иностранные известия действительно гораздо определеннее называли истинных виновников гибели Пушкина.

Любопытно, что в числе европейских литераторов, откликнувшихся на смерть Пушкина, было несколько лиц, лично его знавших. Так, в парижской газете «Время» («Temps») за подписью «Г. Лам...» (Ламонт?) появилась статья, автор которой знаком был с Пушкиным в Кишиневе и Одессе; в парижском «Журнале Дебатов» за первые месяцы 1837 года среди четырех фельетонов, посвященных Пушкину, один принадлежит Лоеве-Веймару, который близко познакомился с поэтом при своем посещении России в 1836 году; как известно, именно для этого французского писателя Пушкин незадолго до своей смерти перевел на французский язык несколько русских народных песен. Фельетон Лоеве-Веймара обратил на себя внимание друзей Пушкина; он понравился В. Ф. Одоевскому; повидимому, статью эту хотели перевести на русский язык и напечатать в одном из журналов. Этому помешали, однако, цензурные затруднения; по крайней мере П. А. Вяземский в письме

¹ Б. Л. Модзалевский. Из бумаг С. Л. Пушкина, Спб., 1908, стр. 83—85. Своей рукой С. Л. Пушкин сделал выписку также из другой немецкой газеты («Preussische Staats-Zeitung», № 79, 1837); см. еще М. Везвигинов. Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 г. „Русск. старина“ № 1, 1900, стр. 67—95 и приложение к книге П. Е. Щеголева. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 2-е, Лгр., 1928 г., стр. 410—417: „Иностранные газеты 1837 г. о смерти Пушкина“.

к А. О. Смирновой горько жаловался на запрет русским писать о Пушкине и вспоминал о фельетоне Лоеве-Веймара: «С Пушкиным точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению. Статья в «Журнале Дебатов» Лоеве-Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана с доброжелательством, а клеветы пропускаются»... В другом французском журнале «Revue des Deux Mondes», 1837 г., т. XI, стр. 345—372) появилась не подписанная статья: «Пушкин» (автором ее является Ш. Бодье), где русский поэт сопоставляется с крупнейшими писателями Запада — с Байроном в первую очередь; Пушкин, говорится здесь, принадлежал к числу тех людей, которые напоминают «могучие дубы, возросшие на горных высотах; они ищут бури для того, чтобы показать нам, как глубоки их корни и как непоколебимы их вершины; многое в Пушкине — человеку и поэте восхищает французского критика, и он, не обинуясь, предсказывает бессмертие пушкинским стихам. Вскоре в Париже в журнале «Глобус» («Le Globe» от 25 мая 1837 г.) за подписью «Друг Пушкина» появилась о нем статья Адама Мицкевича, полная искреннего горя, восхищения и преклонения перед величайшим из русских поэтов; здесь Мицкевич, между прочим, пишет, что «если бы не существовало произведений Байрона, то Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своего времени»¹. Мы знаем сейчас, что, говоря так, Мицкевич выражал не только свое личное мнение; в донесениях европейских дипломатов из России, в письмах западных писателей 1837 года то-и-дело мелькают такие отзывы о Пушкине, в которых он приравнивается к крупнейшим писателям своего века. Английский писатель Джорж Борро, узнав о смерти Пушкина, пишет одному из своих друзей, что «потеря Пушкина ощутительна будет не только для русской литературы, но также и для мировой». Саксонский посланник при русском дворе Лютцероде, бывший в Петербурге в момент дуэли Пушкина, хорошо знавший русский язык, любивший русскую литературу и сам переводивший Пушкина, пишет в донесении саксонскому правительству, что после смерти Гете и Байрона Пушкину принадлежит

¹ А. К. Виноградов (Меримэ в письмах к С. А. Соболевскому, М. 1928, стр. 256) полагает, что эта статья Мицкевича явилась результатом встречи поэта с С. А. Соболевским в Париже в апреле 1837 г. «Соболевский и здесь, как в статье Меримэ, посвященной Пушкину, оказался не только источником сведений, но источником энтузиазма в отношении Пушкина». Не отрицая первого предположения (об источнике некоторых сведений Мицкевича о последних годах жизни Пушкина), позволено усомниться во втором. Впрочем, в лекциях о славянских литературах, читанных Мицкевичем в Париже в 1840—1844 гг., в эпоху его «товарищества» и религиозной экзальтации, сквозит уже иное отношение польского поэта к Пушкину.

первое место в мировой литературе. Число подобных отзывов можно было бы значительно увеличить.

Смерть Пушкина значительно усилила внимание к нему европейских читателей. Вскоре на Западе начали появляться более цельные, продуманные и подробные характеристики русского поэта. Н. А. Мельгунов рассказывает в своей брошюре «История одной книги» (Москва, 1839): «В начале 1837 года я жил по болезни в Ганау, небольшом городке близ Франкфурта-на-Майне. В числе посещавших меня был Кениг, немецкий литератор¹. Смерть Пушкина, случившаяся в то время, сильно настроила внимание немцев на литературу русскую. Г. Кениг желал узнать некоторые подробности о жизни и сочинениях Пушкина. Отметив на бумаге слышанное от меня и дополнив изустные известия печатными из немецких и французских журналов, он составил впоследствии статью, которая была помещена им в одном периодическом издании». Вскоре эта статья, в обработанном виде, составила центральную главу книги Кенига «Русские литературные очерки» («Literarische Bilder aus Russland»), вышедшей в Штуттгарте в том же 1837 году и украшенной портретом Пушкина. Кениг подробно говорит здесь о «Борисе Годунове», «Полтаве» и других произведениях и дает им высокую оценку. Книга Кенига имела большой успех и в России и на Западе; в России, впрочем, поднялись о ней споры и полемика, но они были вызваны не характеристикой Пушкина. П. А. Плетнев находил, что «Русские литературные очерки» «изумили наших читателей отчетливостью в исследовании и верностью обрисовки. Эта книга не только в Германии сделалась руководством для суждений о литературе, у них еще для многих новой, но и переведена была на другие европейские языки» (Сочинения и переписка, т. II, стр. 355—356). В самом деле, известно, что вскоре по своем выходе в свет книга Кенига была переведена на французский, чешский и голландский языки; в английских журналах сделаны были из нее подробные извлечения; в самой Германии она произвела сильное впечатление; в значительной степени под ее влиянием принялся за изучение русского языка Фарнгаген фон-Энзе; вскоре он свободно читал Пушкина в подлиннике и опубликовал свою известную статью о нем (1838). В этой статье Фарнгаген упоминает и о сочинении Кенига: «Здесь в первый раз, — пишет он, — представилось нашим взорам богатство новейшей русской литературы... Количество и разнообразие ее поразили нас. Пробудился шум, пробудилось общее участие... Нашлись любители, даже между дамами, особенно

¹ Генрих Кениг (1790—1869), писатель и критик, был в ту пору известен, главным образом, как исторический романист, он принимал участие в освободительном движении и был депутатом оппозиции в Гессенском ландтаге

в Берлине, которые тогда же принялись за изучение русского языка, а внук Гете пишет оперу на поэму Пушкина «Цыгане».

Значение книги Кенига для правильной оценки русской литературной борьбы вокруг Пушкина в 30-е годы и для истолкования его европейского значения неоспоримо. Другие источники вроде «Учебника русской литературы» Фридриха Отто («Lehrbuch der Russischen Literatur», Leipzig und Riga, 1837, англ. перевод — 1839), представлявшего почти сплошной перевод полуофициального русского руководства Н. И. Греча «Опыт русской литературы» (1822), — совершенно неправильно ориентировали европейских читателей. В этом смысле высказывались о Кениге и русские друзья Пушкина. В. Ф. Одоевский, например, просил Я. М. Неверова лично поблагодарить Кенига «за русскую литературу, о которой до сих пор знали в Европе только по Выжигину (роман Булгарина) с компаниею. Эта компания взбесилась, узнавши, что ее вывели на свежую воду, несмотря на все ее штуки и интриги, и печатают об этой книге чорт знает что. К сожалению, книги Кенига нет в России и, вероятно, не будет, потому что, как я слышал, в ней есть вещи касательно Пушкина и Булгарина (какое соединение!), которые не могут быть позволены в России». Предчувствие Одоевского оправдалось: в переводе на русский язык «Очерки русской литературы» Кенига смогли появиться только в 1862 году.

Характерно, что до появления книги Кенига среди либеральных немецких литераторов 30-х годов, группировавшихся вокруг кружка «младогерманцев», имя Пушкина пользовалось в общем дурной славой; его знали здесь, главным образом, по немецким переводам стихотворения «Клеветникам России». В том самом городке Ганау, где Н. А. Мельгунов в 1837 году раскрывал Кенигу подлинный облик Пушкина, за пять лет перед тем появилась анонимная книга, снабженная эпиграфом из Гейне; здесь помещено было гневное и оскорбительное послание к Пушкину, называвшее его апологетом русского самодержавия; автором книги, как удалось установить, является Фридрих-Арнольд Штейнман (род. 1801), друг Генриха Гейне и будущий автор «Истории революции в Пруссии». Однако через десять лет по выходе в свет этих «богомерзких» по отзыву А. И. Тургенева стихов этого «немецкого якобинца» (письмо Тургенева П. А. Вяземскому 27 июля 1832 г.) другой писатель, один из вождей «Молодой Германии» и неутомимый борец с прусской реакцией, Карл Гутцков (1811—1878), именно по следам Пушкина написал свою драму «Пугачев». Известно, что главным источником Гутцкова был вышедший в Штуттгарте в 1840 году немецкий перевод пушкинской «Истории пугачевского бунта».

О том, как высоко стояло тогда имя Пушкина в кругах немецкой либеральной интеллигенции, можно судить из следующего эпизода, который рассказывает один из биографов поэта Шамиссо¹ (1781—1838). В «Альманах муз», который редактировал Шамиссо, Гоффман фон-Фаллерслебен прислал стихотворение «Убитый рыцарь», по сюжету своему очень близкое к пушкинской балладе «Два вора»; источник стихотворения автором не был указан; предполагая, что Фаллерслебен просто перевел Пушкина, но скрыв его имя, Шамиссо был возмущен до глубины души. Он немедленно обратился к Фарнгагену фон-Энзе, изучавшему тогда Пушкина, с просьбой доставить ему подстрочный прозаический перевод пушкинской баллады: «Может ли слабая трость не быть только лишь тенью пушкинской могучей зелени, если она произросла от одного с ним корня?» — спрашивал при этом Шамиссо. Перевод вскоре был ему доставлен, и уже в августе 1838 года Шамиссо смог послать Фарнгагену свою стихотворную обработку этого перевода, которая с подзаголовком «из Пушкина» печатается в полном собрании его сочинений и которая по своим поэтическим достоинствам значительно превосходит другие немецкие переводы этого пушкинского стихотворения (например, Боденштедта). Шамиссо хотел поместить свой перевод в «Альманахе муз» рядом со стихотворением Фаллерслебена и уязвить его указанием на свой источник. Смерть Шамиссо помешала исполнению этого намерения, но «Убитый рыцарь» вскоре был напечатан; Фаллерслебен, однако, молчал и после того, как опубликована была переписка на его счет между Шамиссо и Фарнгагеном; лишь в 1854 году Карл Гедеке, со слов Фаллерслебена и, вероятно, по его полномочию, разъяснил в одном немецком еженедельнике, что стихотворение «Убитый рыцарь» написано было в 1837 году «на сюжет русской народной песни, переданной ему одним из его русских знакомых» и что о «настоящем источнике» (т. е. о Пушкине) он узнал лишь впоследствии от Шамиссо. Любопытнее всего то, что никто из споривших ни разу не упомянул, что баллада Пушкина довольно близко передает шотландскую балладу в записи Вальтер-Скотта и что перевод этого источника Пушкина был уже давно известен в немецкой литературе.

К тому же 1838 году, когда возник этот спор, в журнале «Ежегодник научной критики», основанном Гегелем, появилась большая статья о Пушкине Фарнгагена фон-Энзе. Этот интересный писатель был хорошо известен и в России в конце 30-х годов, главным образом, благодаря кружку Н. В. Станкевича, к которому он был довольно близок. Особенно подкупило учившихся в Германии молодых русских

¹ Tardel, Studien zur Lyrik Chamissos, Bremen, 1902, S. 21.

друзей Фарнгагена его глубокое уважение к Пушкину¹; вероятно, впрочем, что и сами они не мало содействовали выработке у Фарнгагена энтузиастического отношения к русскому поэту. Статья Фарнгагена была восторженно встречена в России (перевод ее помещен в «Сыне отечества» 1839, т. VII), а на Западе произвела большое впечатление. В сравнении с очерком Кенига она давала неизмеримо больше и по глубине понимания Пушкина и по полноте его характеристики. Фарнгаген пишет, что творчество Пушкина содержит главные черты его величайших европейских современников, но в соответственной обработке, исключая всякие обвинения в подражании западным образцам; всякий крупный поэт служит своего рода посредником между «природной поэзией народа» и «международным успехом» данной национальной литературы; «такая поэзия явилась в новейшее время в России: чистейшее и сильнейшее ее выражение находим мы в Пушкине. Сколь ни были бы многочисленны и разнообразны его предшественники и последователи, толпящиеся вокруг него, но он возвышается как глава над всеми, и все, так сказать, соединяются в нем». Фарнгаген утверждает, что всякий, занимающийся Пушкиным, испытывает особую «воодушевляющую и живительную» силу. Фарнгаген считает Пушкина самым национальным поэтом по всеобъемлющему размаху его творчества: «Ему все одинаково известно, Юг и Север, Европа и Азия, дикость и утонченность, древность и современность; изображая разнороднейшее, изображает он тем отечественное». Почти теми же словами говорил о «всемирности» Пушкина сорок с лишним лет спустя в своей пушкинской речи Ф. М. Достоевский. Статья Фарнгагена увлекает; в ней есть философские горизонты, в ней чувствуется искреннее, а не надуманное восхищение. Многие людей Запада она захватила своим волнением и энтузиазмом. В их числе был Карлейль. В письме от 19 декабря 1842 года Карлейль пишет Фарнгагену: «Мы должны быть вам благодарны, я в первую очередь, за то, что вы дали нам в первый раз представление о современной России. С вашей помощью я получил ясное представление о дикой поэтической душе Пушкина и должен был себе сказать: да, это гениальный русский; в первый раз постигаю я русских людей»...

¹ Фарнгаген следил за русской литературой о Пушкине и собирал его произведения. А. И. Тургенев в 1839 г. слушал в Киссингене чтение Фарнгагеном Пушкина и признавался в письме к Вяземскому, что Фарнгаген познакомил его с новыми для него пушкинскими стихами. Любопытно, что в громадной коллекции автографов Фарнгагена сохранились рукописный отрывок Пушкина из 7-й главы «Евгения Онегина» и подлинник его письма к Булгарину. См. L. Stern, Die Varnhagen von Susesche Sammlung in der Königl. Bibliothek zu Berlin, Berl. 1911. S 632.

V

В те же самые годы начиналось изучение Пушкина и во Франции. Множились французские переводы его произведений, росла критическая литература о нем. В нашу задачу не входит библиографическая регистрация важнейших статей о Пушкине, появившихся в 30—40-х годах, тем более, что это уже давно сделано, необходимо, однако, подчеркнуть, что настоящий интерес к Пушкину возник во Франции несколько позже, чем в Германии. Правда, уже Сент-Бев обратил внимание на стихотворения Пушкина «Зима» и «Калмычка», — по их оригинальности (он знал их по переводу Элима Мещерского), но в конце 30-х и начале 40-х годов нередки были во французской литературе сдержанные отзывы о нем или прямые признания в своей неосведомленности. Маркиз Кюстин в своей наделавшей столько шума книге «Россия в 1839 г.» ядовито замечает, что Пушкин — «первый туземный талант, имя которого прозвучало с некоторым блеском в Европе, — в Европе!», а некто Анри Меримэ («Une année en Russie», 1847, p. 74—77), отмечая «огромную популярность» Пушкина в России, полагает, что Европе этот русский поэт вполне чужд: его здесь не знают: «слава его не распространилась далее той пули, которая его сразила». По странной случайности, другому Меримэ, — Просперу, родственнику этого безвестного французского литератора, принадлежала честь блистательно опровергнуть эти слова. С конца 40-х годов Проспер Меримэ — новеллист и драматург — неутомимо пропагандировал имя Пушкина во Франции и прославил его как одного из величайших писателей своего времени.

В «Дневнике писателя» Д. В. Аверкиева за 1886 год записан следующий любопытный «Анекдот о Ламартине» с пометкой: «слышано от Ф. М. Достоевского»: «Меримэ, известный знаток русской поэзии, обедал у Ламартина. Хозяин обратился к нему с таким вопросом: «Вы — знаток иностранных литератур; скажите же, знаете ли вы современного поэта, достойного стать рядом с великими гениями прошлых веков в Пантеоне искусства?» — «Знаю», — без запинки отвечал Меримэ. Гости насторожились, ожидая комплимента хозяину. «Кто же это?» — с поощрительной улыбкой спросил хозяин. «Русский: Пушкин», — отвечал Меримэ. «Не знаю!» — проговорил Ламартин, резко отворачиваясь от неучтивого гостя»¹. Источник этого анекдота и его истинный смысл могут быть в настоящее время раскрыты довольно подробно. Действительное событие послужило поводом к его сложению. Что Ламартин ничего не знал о Пушкине — это неверно; выше приведено уже было

¹ „Дневник писателя“. Ежемесячное издание Д. В. Аверкиева, 1886 г. январь, стр. 37.

письмо А. И. Тургенева 1836 года, вполне опровергающее такое утверждение. Однако обед, о котором рассказывается в анекдоте, действительно имел место, и мы знаем даже его дату — 25 февраля 1849 года. Это был обед у Биксио, председателя комиссии по охране культурно-исторических памятников в Париже; здесь присутствовали Ламартин и Меримэ, а также художник Делакруа, популярный драматург Скриб и композитор Мейербер¹. Речь, в самом деле, шла о Пушкине. Из дневника Делакруа следует, однако, что Ламартин утверждал не то, что ему приписывает анекдот, а именно, что он читал Пушкина, несмотря на то, что его поэзия не была переведена на французский язык²; Меримэ же, естественно, должен был усомниться в этих словах, не только потому, что знал об уже давно существовавших французских переводах Пушкина, но и в особенности потому, что сам трудился тогда над переводом «Пиковой дамы», вскоре же напечатанным во французском журнале («Revue des Deux Mondes», 1849). Быть, может, под влиянием разговора на обеде у Биксио Эжен Скриб, этот ловкий поставщик французской сцены, «извлек либретто» для композитора Галеви из «Пиковой дамы», петербургской повести «русского поэта Пушкина». О первом представлении этой пьесы (22 декабря 1850 г.) сохранился фельетон выдающегося современника события — Теофиля Готье (газета «La Presse»). Хотя Скриб и заявлял, что содержание пьесы заимствовано у Пушкина, но из сюжета пушкинской повести он удержал лишь тайну трех карт, все остальное — сплошная отсебятина; забавно, например, что второе действие происходит в сибирском руднике, куда сослан некий Нелидов, герой пьесы. Теофиль Готье, повидимому, принял на веру сенсационную транскрипцию либреттиста, удостоившегося вместе с композитором, декораторами и режиссером спектакля бурного одобрения парижской публики³.

Другой участник обеда у Биксио, Эжен Делакруа, один из крупнейших художников Франции, также заинтересовался русской литературой и, в первую очередь, Пушкиным. Запись его дневника от 28 октября 1853 года гласит, что в этот день Делакруа читал томик «Русских повестей», в котором его внимание обратили на себя «Фаталист» (т. е. «Выстрел») и «Дубровский», «заставившие меня пережить восхитительные минуты». Анализируя свои впечатления, Делакруа сделал несколько любопытных признаний и сопоставлений. Повести Пушкина, по его мнению, имеют «удив-

1 Felix Chambon. Notes sur Prosper Mérimée, Paris, 1902, p. 256.

2 Journal de Eugène Delacroix, Paris, 1893, vol. I, p. 346

3 Легковерие этой публики вошло в поговорку; Валерию Брюсову еще в 1901 г. пришлось выступить с протестом против французского издания „Выстрела“ Пушкина, выданного за оригинальное произведение А. Дюма.

ляющий реалистический запах»; ему кажется, что он читает новеллы Меримэ, — так много сходного в манере двух писателей. Тонкое чутье помогло Делакура высказать очень верное суждение. Повествовательное мастерство Меримэ, с его отсутствием лиризма, сюжетной четкостью и замечательной чеканностью стиля, действительно напоминает прозу Пушкина. Вероятно, в этой близости их дарований и лежит секрет того увлечения, с которым Меримэ до конца своей жизни относился к Пушкину. Чтобы читать Пушкина в подлиннике, Меримэ выучил русский язык, который дался ему не без труда, и в своих критических статьях, письмах и беседах с французскими писателями неустанно славил Пушкина как величайшего писателя XIX века. Имя Пушкина было для Меримэ знаменем борьбы за художественный реализм и преодоление романтических традиций.

Увлечение Меримэ русской литературой началось еще в 30-е годы благодаря ряду его русских знакомств и встреч, завязавшихся в Париже; особую роль сыграла в этом отношении многолетняя и близкая дружба с приятелем Пушкина С. А. Соболевским. Регулярно русским языком Меримэ стал заниматься с половины 40-х годов. Одним из его наставников была Варвара Ивановна Дубенская (в замужестве Лагрене), но и С. А. Соболевский, когда приезжал в Париж, помогал ей в этом; в одном из своих писем 1848 года Меримэ пишет, что Соболевский «посадил его за чтение и изучение прозы Пушкина». Уроки не прошли даром. В 1849 году появляется перевод Меримэ «Пиковой дамы», затем он переводит прозой «Цыган», «Гусара» (1852), «Выстрел» (1856). Существует мнение, высказанное еще Г. Брандесом и недавно подтвержденное и французским биографом Меримэ¹, что одна из популярнейших повестей Меримэ «Кармен» написана под заметным влиянием пушкинской поэмы «Цыгане»; действительно, и образы Карменситы и Земфиры, и простая, но захватывающая сюжетная линия обоих произведений о торжествующей и разрушительной стихии ничего не щадящей страсти открывают нам слишком много едва ли случайных совпадений.

В 1868 году Меримэ напечатал свою статью «Александр Пушкин», которая подвела итог многолетним раздумьям его

¹ См. статью Георга Брандеса „Пушкин и Лермонтов“ в написанном им по-немецки сборнике статей „Новые веяния“ („Neue Geister“). См. также Trahard, Biographie de P. Merimée, t. III, 1928. „Цыгане“ Пушкина пользовались вообще большой популярностью на Западе. Едва ли можно отрицать, что эта поэма имела также большое значение в жизни и творчестве английского писателя Джорджа Борро (1803 — 1881), в середине 30-х годов жившего около двух лет в Петербурге, увлекавшегося Пушкиным и его переводившего, затем странствовавшего с цыганами в Испании. Изданные Борро впоследствии два автобиографических романа „Лавенгро“ (Лондон, 1851) и „Цыганский парень“ (1857) заключают в себе кое-какие отголоски чтения Пушкина и прежде всего его „Цыган“.

над текстами Пушкина. Статья начинается сопоставлением Пушкина и Байрона: «Как тот, так и другой имели доминирующее значение в литературе своей родины. Несмотря на некоторый вред, принесенный им подражателями, следующие за ними поколения подтвердили суждение современников; слава обоих прочно установлена, и ни один критик не осмелился бы стереть их имена, занесенные на скрижали истории с именами величайших поэтов». Сразу чувствуется, что сопоставление Пушкина с Байроном, столь обычное для предшествующей европейской критики, как и многие из последующих параллелей, данных Меримэ в этой статье, носят совершенно попугальный характер; Меримэ говорит не столько об их внутреннем родстве или различиях, сколько о равноценности обоих поэтов перед судом истории. Весь замысел статьи и состоял прежде всего в том, чтобы поставить имя Пушкина в ряды величайших художников слова XIX века. Меримэ рассказывает жизнь Пушкина¹, излагает его отдельные произведения, сопровождая их тонкими замечаниями и наблюдениями, и его похвалы достигают здесь предельной силы, на которую только способен был этот сдержанный и несколько холодный писатель, получая всегда трезвую и четкую формулировку; Меримэ, например, говорит о гениальном лаконизме Пушкина; из ряда примеров особенно типичен один: Меримэ рассказывает содержание «Анчара»: «Рамка этого стихотворения узка, но картина вполне закончена и кажется мне полной изумительной величавости». Приведен полный перевод, но Меримэ недоволен им; по его мнению, единственно на латинском языке можно было бы более или менее точно передать выразительную сжатость этих пушкинских стихов:

Но человека человек
Послал к Анчару властным взглядом,
И он послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

«At vir virum misit ad antchar superbo \$valtu» и т. д. Лаконизм, скупость художественных средств вместе с огромной силой мысли — таковы признаки того мастерства, которое Меримэ особенно ценил у Пушкина и к которым он неустанно и сам стремился в своем творчестве. Характеристика Пушкина становится здесь вместе с тем и литературной программой Меримэ, из которой легко извлечь все его

¹ Биографическими сведениями о Пушкине Меримэ был обязан самым авторитетным в этом вопросе людям, в особенности С. А. Соболевскому, который показывал ему многие рукописи Пушкина и списки тех из них, которые не были напечатаны (напр., „Гавриилиаду“), впоследствии И. С. Тургеневу; в 1851 г. Меримэ познакомился с братом поэта — Львом Сергеевичем Пушкиным, приезжавшим для лечения в Париж. См. А. К. Виноградов. Меримэ в письмах к С. А. Соболевскому. М. 1928.

обвинительные пункты против наследия французского романтизма. На основании своих многократных дружеских бесед с Меримэ и с его слов эти обвинения удачно сформулировал И. С. Тургенев в своей речи о Пушкине в Москве (1880): «Ваша поэзия, — сказал нам Меримэ, известный французский писатель и поклонник Пушкина, которого он не обинуясь называл величайшим поэтом своей эпохи, чуть ли не в присутствии самого Гюго, — ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собой; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске, и если ко всему этому им предстанет возможность не оскорблять правдоподобия, так они и это, пожалуй, возьмут в придачу»... «У Пушкина, — прибавлял он, — поэзия чудным образом расцветает как бы сама собой из самой трезвой прозы». Тот же Меримэ постоянно применял к Пушкину известное изречение: «*Propter communia dicere*», признавая это умение самобытно говорить общеизвестное за самую сущность поэзии, той поэзии, в которой примиряются идеальное и реальность. Он также сравнивал Пушкина с древними греками по равномерности формы и содержанию образа и предмета, по отсутствию всяких толкований и моральных выводов. Помнится, прочтя однажды «Анчар», он после конечного четверостишия заметил: «Всякий новейший поэт не удержался бы тут от комментариев». Меримэ также восхищался способностью Пушкина вступать немедленно «*in medias res*», брать «быка за рога», как говорят французы, и указывал на его «Дон-Жуана» как на пример такого мастерства.

VI

В те самые годы, когда Меримэ именем Пушкина насаждал во Франции навыки особого пушкинского реализма, близким помощником его в пропаганде великого русского поэта сделался И. С. Тургенев. Он принял некоторое участие в переводах из Пушкина на французский язык Луи Виардо; так, например, Тургенев участвовал в издании Луи Виардо «Драматические поэмы Александра Пушкина» (Париж, 1862), куда вошли «Борис Годунов», «Русалка» и все «маленькие трагедии», кроме «Пира во время чумы». Через год Тургенев опубликовал сделанный им совместно с тем же лицом прозаический перевод «Евгения Онегина»; самым популярным из всех этих переводов Тургенева и Виардо явился, однако, их перевод «Капитанской дочки», выдержавший с 1854 по 1879 год семь изданий. Когда в 1880 году П. И. Бартенев опубликовал в «Русском архиве» новонайденные страницы этого пушкинского романа, Тургенев тотчас же озаботился о немедленном переводе их на фран-

цузский язык и напечатал их с собственным предисловием. Своим французским друзьям Тургенев постоянно говорил о Пушкине, истолковывая им его отдельные произведения и призывая их в свидетели своего восторга и преклонения перед Пушкиным. Кто только из французских писателей не был вовлечен Тургеневым в круг этих бесед о Пушкине! В «Дневнике» бр. Гонкуров есть такая запись о Тургеневе (22 марта 1873 г.): «Он говорит, что, когда он грустен, плохо настроен, ему довольно двадцати стихов Пушкина, чтобы вывести его из уныния, ободрить и возбудить; они внушают ему то восторженное умиление, которого он не испытывает ни от каких великих или великодушных дел». Трудно предположить, чтобы авторы дневника не попытались на себе проверить впечатление столь любимого ими Тургенева. Эмиль Золя однажды рассказывал И. Павловскому, что он видел у Г. Флобера Тургенева, много вечеров подряд трудившегося над переводом нескольких стихотворений Пушкина. Флобер подправил эти переводы, окончательно отделал их, и они были напечатаны в одном из журналов («La République des Lettres»); рукописи этих переводов до сих пор хранятся в парижской части архива Тургенева: «Поэту», «Пророк», «Анчар», «Опричник».

Вопрос о роли Пушкина в истории французской литературы нуждается в особом исследовании; изучение влияния, которое он мог оказать на французских писателей хотя бы и через посредство Меримэ и Тургенева, стоит явно на очереди. В ожидании такого исследования следует воздержаться от категорических выводов, но нельзя не признать, что эти выводы обещают быть и очень важными и очень неожиданными. Л. П. Гроссман в одной из своих статей высказал правдоподобную догадку, что «Пиковая дама», — этот шедевр пушкинской прозы, — пленида одного из тонких стилистов французской литературы XX века, Анри де-Ренье, и что в его новелле «Тайна графини Варвары», несмотря на то, что она перенесена в венецианскую обстановку XVIII века, отчетливо проступают линии пушкинского сюжета. Повесть Пушкина «упрощена у Ренье, италянизирована подобно большинству его новелл и романов», и, тем не менее, «все элементы пушкинского сюжета здесь сохранены лишь с незначительными изменениями. Герой, скудные средства которого не отвечают его положению и вожделениям, решает овладеть тайной чудесного обогащения, открытого старой графине знаменитым авантюристом XVIII века, повидимому ее возлюбленным. В тот момент, когда он, прибегнув к угрозе револьвером, уже готов овладеть соблазнительной тайной, изображение старой графини оживает, чтобы поразить навсегда умственные способности страстного золотоискателя» (Л. П. Гроссман. От Пушкина до Блока. М. 1926, стр. 67—72).

Подтверждением большого интереса к Пушкину во Франции в конце XIX и начале XX века может служить большое количество откликов на пушкинский юбилей в 1899 г. В Россию прислали приветствия Э. Золя, Жюль Верн, Марсель Прево, Сюлли Прюдом, Франсуа Коппе и многие другие.

Жюльетта Адан, писательница и публицистка, писала:

«Я фанатически люблю Пушкина, потому что он — полнейшее выражение гения. Его плодовитость гениальна. В его форме все гениально: оригинальность и верность наблюдения, блистательная ясность образов, чистая красота стиля».

Франсуа Коппе писал в свою очередь:

«Генрих Гейне остроумно заметил, что переводная поэзия — это лунный свет в тумане. Но по отношению к великим поэтам это неверно, например по отношению к нему самому. Гений Пушкина из тех, которых не может затмить перевод».

«Я счастлив и горжусь тем, — писал Эмиль Золя в письме к русским писателям 7 июня 1899 г., — что могу мысленно и от всего писательского сердца присоединиться к вам в день, когда вы чувствуете гений вашего знаменитого Пушкина, отца современной русской литературы. Я узнал его в особенности через посредство моего великого друга, Тургенева, который часто мне говорил о славе Пушкина, о том, какой это был всеобъемлющий человек, превосходный поэт, глубокий и правдивый романист, друг свободы и прогресса, какой это был безупречный образец для ваших детей в искусстве писать и мыслить. И я полюбил его, как нужно любить все великие умы, национальное творчество которых составляет часть достояния всего человечества».

VI

Рост интереса к Пушкину в немецкой литературе второй половины XIX века также не подлежит никакому сомнению. В немецкой «пушкиниане» этого периода мы находим и довольно большое количество переводов, с переменным успехом передающих пушкинские стихотворения и прозаические тексты, находим и довольно обильную критическую литературу, начиная с научных трудов и кончая легковесными критическими набросками в периодической печати. Библиографически вся эта литература в основном известна¹,

¹ См. А. Марков. Германская литература о Пушкине. Пушк. сборн. СПб, 1899, стр. 639 и сл.

но изучение ее еще стоит на очереди. Любопытнее всего то, что в конце XIX и особенно начале XX века в немецкой лирике и драме мы можем найти определенные следы пушкинского влияния. Как на пример можно сослаться на Райнера Мариа Рильке, с его «Часословом», многие нити которого ведут к Пушкину, на «неоклассиков» типа Пауля Эрнста, своеобразно перетолковавших в своих драмах пушкинского «Бориса Годунова», наконец, на поэтов из школы Стефана Георге, среди которых Генри Хейзелер может быть назван не только восторженным пушкинофилом, но и, вероятно, лучшим из его немецких переводчиков¹.

Принято думать, и не без основания, что лишь Англии, — если говорить о важнейших литературах Европы, — Пушкин оставался наиболее чужд. И. С. Тургенев однажды рассказывал Я. П. Полонскому, что Меримэ читал ему по-русски стихи Пушкина, а вот для англичан они были совершенно недоступны. В один из своих приездов в Англию Тургенев был у Теккерея, великого создателя «Ярмарки тщеславия». «Раз Теккерей упросил меня прочесть ему что-нибудь по-русски. Я стал наизусть читать ему одно из самых музыкальных по стиху произведений Пушкина, и что же? Не успел я и десяти стихов прочесть, как Теккерей покатился от неудержимого смеха. Так стал хохотать, что сконфузил дочерей своих. Звуки чуждого языка были для него смешны». Этот пример не типичен. Русский язык действительно не пользовался в Англии этого времени большим распространением, но среди англичан были тогда, хотя и малочисленные, и настоящие его ценители (Ролветон) и знатоки, довольно бойко и верно переводившие даже Кольцова и Крылова. Тот же Тургенев в письме к П. В. Анненкову (1881) рассказывал, что ему однажды в Англии показывали «перевод «Онегина», сделанный английскими рифмованными стихами», — «верности невероятной, изумительной», но, — прибавляет Тургенев, «и такой же изумительной дубинности»... Качество английских переводов Пушкина в XIX веке было действительно невысоким, но, тем не менее, его здесь переводили, и критика отдавала ему должное. В числе читателей Пушкина были Карлейль и Альфред Теннисон (между прочим, одновременно с В. Гюго приславшим в Москву на имя Тургенева приветственную телеграмму по случаю открытия памятника Пушкину). В XX веке интерес к Пушкину в Англии и в США сильно возрос.

Перечисление следов, которые творчество Пушкина оставило во многих других европейских литературах за столетие, протекшее со дня его смерти, заняло бы слишком много места и не может входить в задачу журнальной статьи. Мы

¹ См. об этом мою статью в сборнике „Борис Годунов“, Лгр., 1936, стр. 118 — 122.

знаем об испанских, шведских, венгерских, румынских и многих других переводах Пушкина. Нам известна огромная роль, какую творчество Пушкина играло в различных славянских литературах. Возможно более полная регистрация всех этих переводов, отзвуков и подражаний Пушкину, всей громадной литературы, ему посвященной, составляет неотложную задачу советского и западноевропейского пушкиноведения. Однако уже и сейчас, в ожидании завершения такой работы, мы можем и должны предвидеть ее важнейший вывод, что роль и значение Пушкина в литературах Запада до сих пор склонны были преуменьшать. Виднейшие писатели XIX века давно уже признали в нем не только крупнейшего мастера русского художественного слова, но и встретили его как равного в своем европейском пантеоне. В такой оценке Пушкина сошлись Гете и Гюго, Меримэ и Флобер, Карлейль и Теннисон, несмотря на все различие их творческих сил и вкусов, идеологических и стилистических тенденций.

Литературная
УЧЕБА

**ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1

январь 1937

С